

УДК 394.014

*Иванцов И.Г.¹,
Дубинин И.В.²*

«СЛУЖБА МОЯ КРАЙНЕ ХЛОПОТНА».

И. Д. ПОПКО – НАЧАЛЬНИК КАРСКОГО ОКРУГА. 1855 –1856 ГОДЫ

*Краснодарское высшее военное училище им. С.М. Штеменко, г. Краснодар
Динской механико-технологический техникум, Краснодарский край*

*Ivantsov I.G.
Dubinin I.V.*

«MY SERVICE IS EXTREMELY TROUBLESOME».

I.D. POPKO - HEAD OF THE KARA DISTRICT. 1855 - 1856

*Krasnodar Higher Military School named after S.M. Shtemenko, Krasnodar
Dinskoy Mechanical and Technological College, Krasnodar Krai*

Реферат: *Исследование посвящено Ивану Диомидовичу Попко (Попке) (1819–1893). Инициатору организации первых музеев на Кубани, просветителю и автору работ по истории казачества. Основой статьи стали личные письма И. Д. Попко, написанные другу В. Ф. Золотаренко, проживавшему в описываемое время в Санкт-Петербурге и хранящиеся в Государственном архиве Ставропольского края, а также документы, опубликованные в 11 томе «Актов, собранных Кавказской археографической комиссией». В них и раскрывается жизнь и деятельность тогда еще ротмистра Попко, его участие в Крымской войне, на Кавказском фронте. Это был первый Карский период его военной службы (1855-1856 гг.), благодаря которому он во многом и приобрел опыт талантливого администратора и управленца.*

Ключевые слова: *Крымская война, Кавказский фронт, Карский округ, личная переписка, начальник, управление.*

Abstract: *Kars is one of the administrative centers, a city in the east of Turkey. At the end of 1855, after months of siege, it was taken by Russian troops. This was the last major success of the Russian army in the Crimean War of 1853-1856. The administration of the new Kara region was*

---

¹ **Иванцов Игорь Григорьевич** – кандидат исторических наук, доцент 1 кафедры Краснодарского высшего военного училища им. С.М. Штеменко (г. Краснодар), IG23@yandex.ru

² **Дубинин Игорь Владимирович** - библиотекарь Динского механико-технологического техникума. Председатель Динского районного отделения «Российского общества историков-архивистов» (станция Динская, Краснодарский край), titlo@mail.ru

entrusted to the guard-colonel M. T. Loris-Melikov. Administratively, the Kara region was divided into three districts - Ardagansky, Karsky and Oltinsky. At the beginning of 1856, the captain Ivan Diomidovich Popko was appointed the head of the Kara district.

The article is dedicated to Ivan Diomidovich Popko (Popka) (1819–1893). Initiator of the organization of the first museums in the Kuban, educator and author of works on the history of the Cossacks. The article is based on personal letters from I.D. Popko, written to a friend of V.F. ... They reveal the life and work of the then captain Popko, his participation in the Crimean War, on the Caucasian front. This was the first Kara period of his military service (1855-1856), thanks to which he acquired the experience of a talented administrator and manager in many ways.

Key words: Crimean War, Caucasian Front, Kara District, personal correspondence, chief, administration.

До 1854 г. Иван Диомидович Попко по долгу службы путешествовал в основном по территории Северо-Западного Кавказа, но после смерти наказного атамана Черноморского казачьего войска и своего непосредственного начальника Николая Степановича Завадовского, у которого с 1851 по 1854 гг. он служил адъютантом, Иван Диомидович был зачислен в состав Отдельного Кавказского корпуса и отбыл на российско-турецкую границу. «В воскресенье первой недели поста, я прибыл в Александрополь³ и явился к князю Бебутову⁴. Я получил назначение состоять при начальнике кавалерии действующего корпуса,

генерал-лейтенанте Багговуте, в должности дежурного штаб-офицера» [1, л. 144], писал он в письме от 22 апреля 1854 г. своему другу Василию Федоровичу Золотаренко в Санкт-Петербург. Описывая обстановку, в которую он попал, Иван Диомидович рассказывал другу: «В настоящее время еще нет никаких действий, ни с нашей, ни с неприятельской стороны. Войска только еще начинают стягиваться с зимних квартир в лагерь. Здесь в этой возвышенной и гористой стране, еще нет весны. На днях только сошел снег. До настоящей поры, жизнь здесь, вне службы, довольно грустная. Местное народонаселение состоит исключительно из армян, народа вялого, сонного, изможденного деспотизмом прежнего владения» [1, л. 144]. «Но было уже одно легкое движение в неприятельскую землю, в котором я участвовал, и по милости которою я уже побы-

---

³ Александрополь – современный город Гюмри (Армения).

⁴ Бебутов Василий Осипович (Иосифович) (1791–1858) – князь, генерал от инфантерии. Герой Кавказских походов и Крымской войны. С конца 1854 года – управляющий гражданской частью и войсками, не вошедшими в состав действующего корпуса.

вал в первом кавалерийском деле с турками. К пасхе, придвинулись к нашей границе огромные массы неприятельской кавалерии, с расчетом напасть на нас в праздничный распах. Чтобы предупредить нападение, генерал Багговут... с легким отрядом, в ночь против третьего дня праздника, перешел границу и направился к деревням, занятым турецкою кавалерией. На рассвете мы напали на первую деревню и овладели ею. После продолжительной сшибки, неприятель бежал. Мы за ним. Сказать одним словом – мы очистили в тот день от турецкого постоя 6 деревень, и к вечеру отступили в свои пределы» [1, л. 145 об.].

Но через полгода, 15 сентября того же года он рассказывает о совершенно другом: «Был у нас бой, страшный, кровопролитный бой, 24 июля. Да что уже толковать о нем: все газеты им наполнены. Конечно в газетах не то, что на деле: но собственно ужасов боя никакое описание, никакая газета вам не передаст. Всякое описание непременно украдет у существенности половину, как бы оно ни врало. После 24 июля турецкий корпус прижался к стенам Карса⁵ и не думает носа показать в

поле. Мы разгуливаем по турецкой земле, как хозяева; никто нам не перечит. Постоим, постоим на одном месте, оглажаем и удобрим его, да на другое. Ищем обыкновенно где больше воды и травы» и добавляет: «Заблуждается тот, кто воображает себе войну беспрестанной потасовкой. Напротив, в ней больше тихих и скучных дней, чем тревожных и кровавых. Один умный человек сравнил войну с плаванием не всегда же моряк испытывает бурю» [1, л. 146 об.].

Через 23 дня, в письме от 8 октября 1854 г. он, вспоминая тот кровавый бой, писал: «В страшном бою 24 июля, остался цел... У турок артиллерия превосходна. Их артиллерийский огонь опустошителен. Нет места на поле боя, где-бы Вы были от него безопасны... Мы стоим теперь лагерем не далеко от нашей границы. Турки стоят лагерем близ Карса. Они деятельно занимаются учением и, как слышно, еще хотят дать нам один бой до зимы... Война эта долговременна; немногим будет суждено пережить ее и, ковыляя на

Парижского мирного договора в 1866 г. был возвращен Турции. В ноябре 1877 года Карс был взят русскими войсками и по Сан-Стефанскому мирному договору 1878 года вошел в состав России. С 1878 по 1917 гг. Карс – центр Карской области Российской империи.

---

⁵ Карс – город на востоке Турции, административный центр ила Карс. В 1855 году, во время Крымской войны, город был взят русскими войсками. После подписания

деревяшке, пугать детей рассказами об ней» [1, л. 150-150 об.]. И здесь же добавляет, что «вчера было у нас ученье всей кавалерии я полетел с конем, на всем скаку в яму и жестоко ушибся. Мне открыли кровь ...» [1, л. 150].

Как замечал состоящий при начальнике кавалерии: «служба моя крайне хлопотна», но и опасна, добавим мы, поэтому: «За отличие в сражении 24 июля я представлен к переводу в Лейб-гвардию в Черноморский казачий дивизион, чином ротмистром» [1, л. 150 об.].

6 февраля, следующего 1855 г. он сообщает другу в Санкт-Петербург: «я получил ожидаемое повышение. Перевод в гвардию, в таком чине, как ротмистр – награда редкая вообще, а в казачьих войсках в особенности. Можете вообразить себе, как это ошеломило всех политиков Екатеринодара» [1, л. 84]. А 9 марта Иван Диомидович уточняет: «Мой переход имеет примеры в армии, в военное время, но в летописях Черноморского войска нет ему примера. На счет содержания себя прилично нельзя иметь никаких опасений» [1, л. 155 об.] и добавляет: «здешнее начальство желает, чтобы я еще оставался при действующем корпусе на неопределенное время. Я совершенно не прочь. С драгунами и со всей здешней кавалерией я сроднил-

ся, с театром и образом здешней войны ознакомился, – круг служебных действий у меня свой, самостоятельный, – так от чего бы мне не остаться?» [1, л. 155]. Тем более, что «содержание больше 1000 руб. серебра» [1, л. 84].

Иван Диомидович стремился перебраться в Санкт-Петербург, тем более, что там вот уже несколько лет жил его названный брат – Василий Федорович Золотаренко.

В марте 1855 г. он писал в северную столицу: «я буду просить, имея на то законное право, что бы меня прикомандировали на время к образцовому кавалерийскому полку, для научения фронтовой премудрости» [1, л. 155]. Но, по объективным причинам, ему это не удастся и в июне он жалуется, что главнокомандующий оставляет его в корпусе. А 14 ноября 1855 г. следует расширенный ответ: «Я уже входил с письменной просьбой к Главнокомандующему о прикомандировании меня к образцовому кавалерийскому, или, по крайней мере, Лейб-гвардии к резервному казачьему полку. От Его Высочества мне объявлено, что распоряжение по этому предмету будет сделано по миновании во мне здесь надобности. А надобность эта заключается в поручении, имеющем кончиться с прекращением военных действий в нынешнем году и с ро-

спуском войск по зимним квартирам. Когда же это воспоследует? Вот тут, и точка с запятой. Доколе отвратительный Карс держится, дотоле и мы будем в поле, хоть бы, и зима зашла. Отступить, не взяв Карса, и думать нельзя. Но есть надежда, что эта крепость сдастся к 1-му декабря. Турецкие войска в ней замкнувшиеся, терпят крайний недостаток в съестных припасах. А голод не тетка и турку принудит волком выть» [1, л. 158-158 об.].

В конце 1855 г. Карс после многомесячной осады был взят русскими войсками. Сразу встал вопрос о восстановлении и приведении в порядок города и его хозяйства. «По сдаче Карса, я счел необходимым тотчас же устроить гражданское управление покоренных нами санджаков, соединив их в одну область, под названием Карской... Управление же областью вверено состоящему при мне для особых поручений гвардии-полковнику Лорис-Меликову» - писал в отношении к военному министру, князю Василию Андреевичу Долгорукову ⁶ Н.Н. Муравьев ⁷ [2, с. 166].

---

⁶ Долгоруков, Василий Андреевич (1804–1868) – князь, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, во время Крымской войны (1853-1856) военный министр.

⁷ Муравьев-Карский Николай Николаевич (1794–1866) – русский военачальник, дипломат и путешественник. С 1854 по 1856

В 1855 г. Михаил Тариэлович Лорис-Меликов, будущий начальник Терской области и министр внутренних дел, приступил к выполнению своих обязанностей ⁸. Была проведена административная реформа: «Пашалык Карский и соединенная с ним часть Ольгинского пашалыка именуется Карской областью, которая делится на три округа – Ардаганский, Карский и Ольгинский. Каждый округ будет разделен на санджаки следующим образом: округ Ардаганский делится на санджаки Поцховский, Ардаганский и Чалдырский, округ Карский – на санджаки Зарушадский, Шурагельский, Тахтинский и Кагызманогечеванский, округ Ольгинский – на санджаки Пенякский, Гельский, Ольгинский и часть Нижне-Пасинская...» [2, с. 167].

гг. – Кавказский наместник. За взятие Карса во время Крымской войны получил почетное прозвище «Карский».

⁸ Лорис-Меликов Михаил Тариэлович (1824–1888) – российский военачальник и государственный деятель армянского происхождения: генерал от кавалерии, генерал-адъютант. В августе 1855 года он был назначен состоящим по особым поручениям при новом главнокомандующем графе Н.Н. Муравьеве. По взятии Карса был назначен начальником Карской области и в продолжение девятимесячного управления ею приобрел всеобщее расположение обывателей своим благоразумным управлением.

По личной просьбе начальника вновь приобретенных территорий в начале 1856 г. в жизни И.Д. Попко начинается новый период – он назначен начальником Карского округа. М.Т. Лорис-Меликов и И.Д. Попко часто сталкивались по долгу службы, поэтому Михаил Тариэлович довольно хорошо знал Ивана Диомидовича и его возможности и способности. 7 марта 1856 г. к Н.Н. Муравьеву он писал: «Назначение ротмистра Попки в начальники Карского округа, о чем уже получен приказ, значительно облегчит занятия мои и тем представит возможность лично посещать санджаки и границы области» [2, с. 290].

Нужно заметить, что дружба этих двух людей продолжалась и после крымской войны. В Государственном архиве Ставропольского края сохранилось несколько писем М.Т. Лорис-Меликова к И.Д. Попко. А в библиотеке последнего находился «Атлас фотографических видов гор. Владикавказа и других местностей Терской области, со снимками сцен из Высочайшего путешествия в 1871 г. и с видами Кавказских минеральных вод», с дарственной надписью от Михаила Тариэловича.

22 февраля 1856 г. Иван Диомидович писал в Санкт-Петербург: «Теперь о себе... Главнокомандующий, не соизволил выпускать меня

отсюда, назначил меня начальником Карского округа в завоеванной Карской области. Что это за должность – напишу вскоре из Карса, куда отправляюсь завтра... Чтоб позадорить чиновничье корыстолюбие, скажу только, что столовых по этой должности полагается 1200 рублей серебром в год». Отправив в столицу В.Ф. Золотаренко деньги на свои нужды он просил: «Купить и немедленно выслать ко мне чрез почту: гусарский серебрянный филигран, по чину ротмистра, положенный по новой форме лейб-казацким офицерам... Две пары, т.е. на два сюртука выслать. Так же купить с величайшею осмотрительностью бинокль, употребляемый в поле, сильно приближающий и ясно представляющий предметы» [1, л. 163-163 об.]. Питая надежду, в дальнейшем служить в северной столице, Иван Диомидович создавал для этого финансовую базу. В этом же письме он пишет: «Посылаю при сем триста шестьдесят рублей серебром и всепокорнейше прошу Вас, Василий Федорович: ...триста рублей немедленно внести в кредитное учреждение, на мое имя, для приращения из процентов, на их предельное, или как говорится, бессрочное время. Билет выслать ко мне» [1, л. 163]. В мае он добавляет: «Вот Вам, мой неоцененный Василий Федорович, еще три сотняги

кредитами. Похлопочите и их упрятать в кредитное учреждение, а билет выслать ко мне, к вящему услаждению моего любостыжания. Вы должны уже получить 300 с излишком руб. из Екатеринодара, о которых я писал Вам. Если патриарх (Диомид Нестерович Попка – отец И.Д. Попко) еще вышлет мои деньги, томящиеся в его денежной темнице, так это уже будет за тысячу. Оты, столичная жизнь, смущавшая мое степное воображение, отныне я смотрю прямо и смело в твои страшные, медузные глаза» [1, л. 175].

9 марта 1856 г. он сообщает другу: «Живу в Карсе, в большом турецком доме и почти по-турецки. С утра до вечера имею дело с чалмоносцами. Впрочем, на месте приходится сидеть мало. Поездки в разные стороны непрерывные. Дела в высшей степени, смешанные. Чего тут нет! С полным открытием весны, если война продолжится, придется даже часто сталкиваться с башибузуками» [1, л. 167 об.]. В майском письме он продолжает свой рассказ: «Ну теперь несколько слов о Карском округе. Здесь в Азии, изволите видеть, мы отвоевали у турок два пашалыка: Карский и Ардаганский. Каждый из этих пашалыков делится на 4 санджака (уезда). Мы нарекли пашалыки округами, а совокупность

их областью. Образ внутреннего управления в пашалыках т.е. судная и полицейская часть, оставлен нами тот же, какой существовал при турках. Даже полицейско-судебные учреждения, существовавшие в санджаках под названием меджлисов, остались при своем личном составе и при своих обычных действиях. Поставлены только в санджаках и округах русские войсковые начальники, для поддержания нашей власти над завоеванным краем. Им, впрочем, подчинены и меджлисы. Само собой разумеется, что начальники санджаков подчиняются окружным, а сии последние главному областному правлению, учрежденному в Карсе. Из сего очерка усмотреть изволите, что управление это имеет физиономию чисто военную. Впрочем, должен я сказать Вам, что переписки административной и даже судебной не мало. Где люди, там и страсти, а где страсти, там и письменные дела...

О настоящем моем быте скажу Вам, что в него вошло уже много турецких элементов: жилище мое турецкое, прислуга турецкая. Язык, к которому я сделал некоторый навык, звучит вокруг меня, с утра до вечера, турецкий. Чубуки, кофе, сиденье с поджатыми ногами – черт возьми, да все турецкое. К сожалению, одной

только турецкой лени не хватает места» [1, л. 175 об.-176 об.].

Строки из письма И. Д. Попко подтверждаются цитатой из книги Н. Н. Муравьева «Война за Кавказ в 1855 г.»: «во всех поставлены были мудирь или уездные начальники из жителей, по порядку, существующему до завоевания. Для обсуждения дел и тяжб и для раскладок между жителями повинностей, учреждены были советы, состоявшие из муллы или духовного лица и местных старшин, а для наблюдения за управлением их, назначены офицеры из туземной милиции или охотников... Суд и расправа чинились между жителями по местному обычаю, под нашим наблюдением» [3, с. 242-243].

По «Положению для управления Карской областью, утвержденному главнокомандующим в 19-й день ноября 1855 года»: «Права и обязанности окружных начальников равняются с правами и обязанностями уездных начальников...» [2, с. 168]. Исходя из этого документа на Ивана Диомидовича были возложены в основном хозяйственные обязанности: санитарное состояние населенных пунктов, привлечение местных жителей к работам по очистке и уборке, наблюдение за размещением и содержанием больных и раненых и т.д.

18 марта 1856 г. последовало отношение Бернгарда Эммануиловича Индрениуса⁹ к командующему корпусом на кавказско-турецкой границе С. А. Хрулеву¹⁰, в котором было сказано, что «Главкомандующий поручить мне изволил довести до сведения вашего превосходительства, что после первого таяния снегов в окрестностях Карса необходимо приступить там 1. К зарытию в землю по возможности глубже находящихся там в большом количестве убитых и павших лошадей. Дабы еще более предохранить воздух от злокачественных испарений, его высокопревосходительству угодно, чтобы зарываемые лошади были засыпаны – сперва известью, а потом землею. 2. К срытию карских укреплений, возведенных в теперешнюю войну. Главкомандующему угодно, чтобы все эти укрепления были уничтожены...» [2, с. 268].

---

⁹ Индрениус Бернгард (Борис) Эммануилович (1812–1884) – генерал от инфантерии, с начала Крымской войны находился в действующей на Кавказе армии.

¹⁰ Хрулев Степан Александрович (1807–1870) – генерал-лейтенант, герой Крымской войны военный историк. В начале 1856 г. назначен состоять в распоряжении главнокомандующего отдельным Кавказским корпусом Н. Н. Муравьева. С 15 марта по сентябрь 1856 г. командовал отрядом, расположенным на турецкой границе. После передачи туркам крепости Карса Хрулев вернулся в Петербург.

Уже в рапорте от 20 мая 1856 г. на имя, начальника штаба корпуса Мелентия Яковлевича Ольшевского, Михаил Тариэлович Лорис-Меликов докладывал: ««В видах сохранения народного здоровья, в марте месяце сего года я предписал Карскому полицмейстеру принять меры к очистке, как городских улиц, так равно и окрестностей города, где были повсюду разбросаны трупы домашних животных и другие нечистоты, которое местным турецким начальством, от невнимания к могущим произойти от того вредным для здоровья жителей последствиям, не были заблаговременно свозимы в отдаленные от города места, и если бы не наступившая в скором времени зима, то легко могла бы развиться в городе какая-либо заразительная болезнь. Полуразвалившиеся дома, оставленные жителями, где случайным образом находимы были трупы павших животных, я приказал осмотреть и очистить. Кроме того, вменено было в обязанность городской полиции произвести наряд рабочих от жителей города для очистки улиц и переулков, проведение канав и водосточных борозд, так чтобы все нечистоты, вместе с снеговой водой, могли стекать за черту города, унося с собой таким образом зловонные испарения. Ямы, где находились трупы лошадей и других

животных, засыпать известью... и по личном моем осмотре имею честь донести вашему превосходительству, что ямы, где были свалены трупы лошадей и других павших от голода и убитых домашних животных, засыпаны известью и тщательно зарыты землею...» [2, с. 443].

Одной из главных, так до конца и не выполненных задач, после завоевания Карса, стало уничтожение укреплений. А.С. Хрулев в рапорте В.О. Бебутову от 23.04. 1856 г. докладывал, что «жители весьма неохотно исполняют требования нашего там начальства относительно употребления их на работу для срытия укреплений, и что для этого приходится употреблять насильственные меры» и поэтому я «немедленно командировал в Карс состоящего при мне драгунского наследного принца Виртембергского полка поручика Самарина» [2, с. 278].

Он в своем рапорте от 21 апреля 1856 г. доносил А. С. Хрулеву: «Так как все те укрепления сделаны из рыхлой земли то, имея потребное количество рабочих и инструмент, их можно-бы легко разрушить в довольно короткое время...

Но как-бы это дело не казалось легким, оно не может быть приведено в исполнение, если на работу употреблять местных городских и сельских жителей, ибо, как те, так и

другие окончательно разорены и изнурены продолжительною осадой и тяжелыми повинностями, которые были на них возложены, и до сих пор по возможности исполняется. При таких условиях работа не может идти успешно. Если же начальство, несмотря на это будет принуждать их, то удаляя их от хозяйств, оно чрез это лишит их всякой возможности прокормить себя в настоящее время, когда в каждом доме более больных, нежели здоровых, к тому же теперь наступает пора полевых работ... По всем этим причинам, местное начальство находится в крайнем затруднении и даже не имеет возможности привести в исполнение требование правительства, чтобы Карские укрепления были скрыты самими жителями.

Находя это требования для себя крайне стеснительным и почти невозможным исполнить... жители оказывают послушание и вынуждают местное начальство к употреблению насильственных мер, как-то – арест и экзекуция, но, несмотря даже на эти меры строгости, работы по уничтожению укреплений по сие время еще не начаты, по неявке рабочих.

Кроме всех этих финансовых причин, нельзя не принять в уважение и нравственные причины, заставляющие жителей уклоняться в этом случае от требований началь-

ства во 1-х, они опасаются впоследствии подвергнуться ответственности перед турецким правительством за срытие укреплений, построенных турецкими войсками, а во 2-х, 24 числа сего месяца начинается у них праздник Рамазан, когда всякая работа считается грехом» [2, с. 278].

В рапорте от 23. 04. 1856 г. генерал-майору Б.Э. Индрениусу, генерал-майор М.Я. Ольшевский¹¹ докладывал: «За болезнью начальника Карской области, гвардии-ротмистр Попка рапортом, от 21-го апреля (1856 года), доносит, что Карские укрепления, за весьма немногими и малозначительными обвалами дерновой одежды верхов, произведенными таянием снегов в нынешнюю весну, сохраняют в настоящее время тот самый вид, в каком они находились при занятии войсками нашими Карса в ноябре прошлого года. К разрушению же этих укреплений посредством наряда жителей приступлено только 17-го сего апреля месяца» [2, с. 279].

С большим трудом из разных санджаков (районов) было собрано

---

¹¹ Ольшевский Мелентий Яковлевич (1816–1895) – генерал от инфантерии, участник покорения Кавказа и Крымской войны, военный писатель. В 1856 г. – начальник штаба корпуса, действующего на Турецкой границе, с 1856 по 1861 гг. – дежурный генерал Кавказской армии.

535 человек, кроме этого было мобилизовано 50 жителей Карса – всего 585 человек. Но постоянно работало всего 300 человек, объясняя сложившуюся ситуацию, И.Д. Попко докладывал: «были ежедневные побег, происходившие сколько от нравственного нерасположения жителей к работе этого рода, столько же, и еще более, от физического изнурения, ибо большинство рабочих, состоявшие из мусульман, по случаю поста Рамазана, работало в продолжении каждого дня без пищи и питья» [2, с. 268].

Работы по срытию укреплений продолжались с 18-го апреля по 4-е мая, когда пришло предписание о их прекращении. Причем работы продолжались даже тогда, когда в Санкт-Петербурге было подписано распоряжение о прекращении работ. Произошло это из-за бюрократических проволочек и удаленности столицы от театра боевых действий.

На вновь приобретенных землях Иван Диомидович занимался не только административной деятельностью, пришлось ему применить и свои дипломатические способности. В письме от 9 марта 1856 г. он писал: «Вот я и в Карсе, как оседлый гражданин онаго. Но прежде, чем говорить о том, что меня окружает, впечатлевает, занимает и озабочивает, обращусь назад и внесу Вам

недоимки за прошлое время. Командировка моя в Курдистан была дипломатического свойства. Куртинские племена, населяющие значительную часть нашего театра войны, привлекают к себе особенное внимание нашего начальства, как племена горные, носящие оружие и слабо привязанные к турецкому владычеству. На этом последнем обстоятельстве основались наши предприятия – поставить их в нейтральное между воюющими сторонами положение, или сказать яснее – не допустить их присоединить свое свободное оружие к оружию войска Порты. Вот все, что считаю позволительным сказать в частной беседе. Остальное не принадлежит к категории частных дел. Прибавлю только, что командировка моя не была бесплодна. Таковою, быть может, не будет она и для меня, лично» [1, л. 166-166 об.].

На тот момент остро стоял вопрос о враждебном отношении курдских племен к российским войскам. 18 августа 1855 г. Н. Н. Муравьев писал начальнику Эриванского отряда генерал-майору А.А. Суслову¹²: «Усматривая из донесений ваших, что кочующие в Ванском и Мушском пашалыках курды начинают обнаруживать недружелюбное к нам

---

¹² Сулов Александр Алексеевич (1807–1877) – русский генерал-лейтенант, участник Кавказской войны.

расположение я прошу вас обратить на этот предмет особенное ваше внимание открыть действительные причины, от которых подобное расположение к нам курдов происходит, как равно и лиц, которые оное возбуждают и которые служат главнейшими проводниками и распространителями неприязненного для нас движения в курдских обществах...Обращая на этот важный предмет особенное внимание, я нашел полезным командировать вам, состоящего при мне по особым поручениям гвардии-полковника Бартоломея, совместно с гвардиротмистром Попко, которым дана от меня надлежащая инструкция...» [2, с. 421].

Между тем, в предписании полковнику И.А. Бартоломею ¹³ от 13 августа 1855 года, Н.Н. Муравьев напутствовал опытного дипломата: «по прибытии в отряд генерала Сулова... Вы употребите затем все старание, чтобы войти в сношение с родоначальниками общества Гейдеранлы Гейдер-ханом и Али-Агою, приобрести их расположение и чрез них поправлять ваши действия.

---

¹³ Бартоломей Иван Алексеевич (1813–1870) – генерал-лейтенант, известный нумизмат, археолог, писатель, член-корреспондент Петербургской Академии наук.

Для достижения этих целей полковнику Бартоломею выданы были 3 т. червонцев деньгами и вещи для подарков, как-то пара золотых с бриллиантовыми украшениями часов, ценою в 990 р., четыре штуки золотых же часов ценою в 430 р., пять штук серебрянных часов, ценою в 181 р. и три бриллиантовых перстня в 413 р. всего 14 шт., ценою в 2014 р.» [2, с. 422].

Переговоры с куртинскими племенами проходили с трудом, кроме того И.А. Бартоломей в письме от 16 сентября 1855 г. жаловался, «что относится до господина начальника отряда, то его превосходительство оказывает совершенное равнодушие к этому предмету» [2, с. 424].

А.А. Сулов, как бы оправдываясь в письме к управляющему Военно-походной канцелярией главнокомандующего, полковнику Константину Петровичу Фон-Кауфману, ¹⁴ от 12 октября 1855 г. излагает свое виденье проблемы: «Командирован-

---

¹⁴ Кауфман Константин Петрович фон (1818–1882) – генерал-адъютант, инженер-генерал. Во время восточной войны 1853–1856 гг., командуя Кавказским саперным батальоном, участвовал в 1854 г. в сражении под Кюрюк-Дара и в 1855 г. в блокаде, штурме и взятии крепости Карса. Исполняя обязанности начальника походного штаба при главнокомандующем, заключил с английским генералом Вильямсом условия сдачи Карса и турецкой азиатской армии.

ные в распоряжение мое для сношений с курдами полковник Бартоломей и ротмистр Попко, хотя употребили зависящие от них меры для привлечения на нашу сторону курдов, живущих за Алла-дагом и Клыч-Гядуком, но убедились, что сношения не могут повести к успешным результатам... Я полагаю, что и дальнейшие действия полковника Бартоломея и ротмистра Попко не могут иметь успеха, и потому согласно доклада их мне, имею честь просить Вас уведомить меня о решении господина главнокомандующего оставаться ли им здесь еще или возвратиться в главный отряд. При этом пользуюсь случаем передать вам мысли мои о курдах, не имея, впрочем, самонадеянности, что они могут быть безошибочны». Далее он пишет о том, что курды действительно служат в турецких войсках, «но из этого нельзя, однако же, заключить, что у курдов существует к нам неприязнь, основанная на религиозном фанатизме, или на преданности отечеству. Курды в сущности равнодушны к нам, так же, как и к туркам, и грабят последних, если это удобно, так же, как и наших. Главная побудительная причина враждебных действий их против нас, заключается в их обычаях и наклонностях – не воинственных, а грабительских и воровских. Их

можно привлечь на нашу сторону, или сделать безвредными нам, – но не подарками, а страхом» [2, с. 425].

В своем ответном письме от 20 октября 1856 г. К. П. Фон-Кауфман, пишет, что главнокомандующий, в основном соглашается с замечаниями генерала А.А. Сулова и делает заключение, «что теперь все наши силы и средства должны быть направлены на неприятеля, которого имеем против себя, а дело о курдах пока отложить...». Да и сам И.А. Бартоломей докладывал Н.Н. Муравьеву о том, что «курды совершенно не расположены воевать за турок против нас, оттого ли, что турки не имеют денег платить курдам, или оттого, что курды не имеют никакого сочувствия к туркам, – но только это не подлежит ни малейшему сомнению, по крайней мере, в настоящее время и при настоящем положении дел... Будучи чужды воинственного настроения в отношении к нам, курды, вместе с тем, не решаются и не могут решиться явно принять нашу сторону – по той простой и очевидной причине, что их дома, семейства и имущество находятся во власти турок, более или менее непосредственной и действительной...

При таком резко уже обозначившемся положении курдов долгом совести считаю доложить вашему высокопревосходительству, что не

имею в виду предметов для дальнейшей деятельности по возложенному на меня, совместно с ротмистром Попко, поручению... Почтительнейше докладывая об этом вашему высокопревосходительству осмеливаюсь испрашивать приказаний относительно дальнейшего пребывания моего и ротмистра Попко в Эриванском отряде» [2, с. 426-427].

Но, 20 октября того же года И.А. Бартоломей получил от К.П. Фон-Кауфмана письмо, в котором тот писал, что «по прочтении письма вашего от 14-го октября, его высокопревосходительство изволил приказать передать вам, что, имея особые виды относительно курдов, ему угодно, чтобы вы оставались еще в отряде генерал-майора Сулова впредь до распоряжения» [2, с. 427].

Но в ноябре 1855 г. случилось событие, которое сделало бессмысленным их дальнейшее пребывание в Эриванском отряде. А.А. Сулов в рапорте от 18 ноября 1855 г. писал Н.Н. Муравьеву о том, что «между курдами обществ Гейдеранлы и Хасананлы произошла ссора, кончившаяся кровопролитием. Причиной ссоры было то, что Гейдеранлы, опасаясь нас, отошли на зиму из селений ближайших к хребту Алла-даг в Патнос и окрестные деревни, и так как им было там тесно, то они просили Ванского пашу о дозволении

поселиться в Мелезгирде Ванский паша дал им на это разрешение, но мудир Мелезгирда и вместе с тем старшина племени Хасананлы, Розго-ага, не согласился впустить в этот город курдов Гейдеранлы. В происшедшей от этого ссоре был убит сын Розго-аги, что по кровомщению, было причиною еще нескольких убийств. Теперь оба племени эти дерутся и, судя по обычаям курдов, надо полагать, что междоусобие их продлится много лет» [2, с. 427].

30 марта 1856 г. был подписан Парижский мирный договор и Карс и окружающие его территории были возвращены турецкой стороне. Как горько замечал Н.Н. Муравьев «временное обладание Карским пашалыком принесло нам выгоду только в том отношении, что приобретение сие было положено на весы при уступках, сделанных нами на переговорах, когда заключался мирный трактат» [3, с. 239].

30 июля 1856 г. вышел приказ по Действующему корпусу на Кавказско-Турецкой границе, в котором было сказано: «28-го июля 1856 года переданы турецкому правительству Карс и санджаки, занятые русскими войсками. Областной меджлис и почетные жители от всего народонаселения, в адрес к бывшему начальнику области, гвардии-полковнику Лорис-Меликову, изъявили единодуш-

ную благодарность за благотельное, правосудное и заботливое управление краем временно Русского областного управления.

Главнокомандующий Анатолийской армией Измаил-паша¹⁵ в адрес от себя, изъявил гвардии-полковнику Лорис-Меликову искреннюю благодарность и полное удовольствие за человеколюбие, высокое и точное знание своих обязанностей и ограждение жителей от всяких стеснений при управлении Карской областью. ...А равно, по засвидетельствованию его, за точное исполнение его распоряжений, ревностную и полезную службу чинов бывшего Карского областного управления, благодарю искренно бывших начальников округов Карского – гвардии-ротмистра Попку...» [2, с. 310].

На этом закончился короткий – первый карский период в жизни И.Д. Попко. «Вот уже две недели живу в душном и пыльном Тифлисе. О при-

командировании меня к образцовому Кавказскому полку написано Военному министру. Ожидать разрешения Военного министра мне предоставляют здесь или в войске. Я избираю последнее, и хлопочу об отправлении моем в Екатеринодар. Выеду отсюда числа 25-го сего месяца, а в Бурьянодар¹⁶ могу прибыть около 10 октября. Буду ехать с чувством и с расстановкой. Военный министр может отказать: раз. Записать на льготе: два. Случись эти два случая – я зиму в Тимашевке¹⁷, но увы, не в Питере. Привыкнув предполагать в будущем всегда худшее, я не выпускаю из виду и печальной возможности зимовать в такой стране, где печи топятся камышом. О чем считаю не излишним сообщить Вам, мой добрый Василий Федорович. Что ж? Чему быть, тому не миновать... Только надобно заблаговременно подумать об ограждении себя от скуки и бездействия» [1, л. 178-178 об.].

Не забывал он и о своих увлечениях и самообразовании. В боевой обстановке и рутине административной работы он просил своего питерского друга: «Поля де Кока, повторяю, купите хорошее издание,

---

¹⁵ Измаил-паша (Георгий Кметь) (1813–1865) – турецкий главнокомандующий венгерского происхождения. Сын протестантского пастора. После подавления венгерского восстания (1848-1849) бежал в Турцию, принял ислам и был назначен генералом турецкой армии. Во время Крымской войны защищал крепость Карс, но когда голод достиг высшей степени, передал командование английскому полковнику Уильямсу и отступил в Эрзерум. В 1861 году был назначен губернатором Кандии.

---

¹⁶ Так И.Д. Попко иногда называл Екатеринодар в своих письмах.

¹⁷ Современный город Тимашевск, районный центр в Краснодарском Крае.

переплетите и храните у себя. Покупайте для меня, если будут попадаться дешево у букинистов и в старых книжных лавочках, следующих французских авторов: Монтеня, Вольтера, Мольера, Лагарпа, Г-жи Сталь. Пить старое вино и читать старые книги, особенно старых французских классиков – превосходная вещь» [1, л. 175 об.].

После возвращения Карса туркам он спрашивает Василия Федоровича: «... Я просил Вас формировать для меня французскую библиотеку. Напишите мне в Екатеринодар – в

каком положении дело сие находится в настоящее время...» [1, л. 178 об.].

Во много благодаря этому короткому периоду в жизни Ивана Диомидовича он сложился как опытный администратор и управленец. Не даром, по прошествии 22 лет именно он был выбран в начальники Карской области, когда в 1878 г., после победы России в русско-турецкой войне, по решению Берлинского конгресса 1878 г. была образована Карская область Российской империи.

Список литературы

1. ГАСК (Государственный архив Ставропольского края). Ф. 377. Оп. 1. Д.7.
2. Акты, изданные Кавказской Археографической комиссией. Архив канцелярии главноначальствующего. Т.11 / Под ред. Д. Кобякова. Тифлис: тип. Канц. главнонач. гражд. частью на Кавказе, 1888. 1020 с.
3. Муравьев Н.Н. Война за Кавказом в 1855 г. В 2 т. / Н.Н. Муравьев. Санкт-Петербург: типография товарищества «Общественная польза», 1877. Т.2.

References

1. GASK (State Archive of the Stavropol Territory). F. 377. OP. 1. D. 7.
2. Akty, izdannye Kavkazskoj Arheograficheskoy komissiej. Arhiv kancelyarii glavno-nachal'stvuyushchego [Acts issued by the Caucasian Archaeographic Commission. Archive of the office of the commander]. T.11 / Ed. D. Kobyakova. Tiflis: type. Stationery chief chief. citizen part in the Caucasus, 1888. 1020 p.
3. Murav'ev, N. N. Vojna za Kavkazom v 1855 g. V 2-h t. [The war for the Caucasus in 1855 in 2 volumes] / N.N Muravyov. St. Petersburg: Printing House of the Public Benefit Partnership, 1877. Vol. 2.